

Эдуард Диа Диникин

Манифестофель

Johndinsky Art

Эдуард Диа Диникин Манифестофель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22167859

ISBN 9785448350283

Аннотация

В творчестве автора уникальным образом сочетаются авантюрный хоррор-трэш и глубокая экзистенциальная драма с тонким ироничным привкусом, смягчающим безжалостную серьезность цепочки оборванных, запутанных и не связанных, на первый взгляд, случайностей, которые приводят к фатальным последствиям.

Содержание

Манифестофель

5

Конец ознакомительного фрагмента.

67

Манифестофель

Эдуард Диа Диникин

© Эдуард Диа Диникин, 2016

ISBN 978-5-4483-5028-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Манифестофель

*Ад невозможно сделать привлекательным,
поэтому дьявол делает привлекательной дорогу
туда.*

Св. Василий Великий

*«... actually it is not important
what color is the hand
searching in the darkness
when we get under the blanket
telling each other sweet horror tales
but it is important that
it will not grab us at the moment
when we believe them»...*
Natasha Bazhenova
«The problem of Resurrection»

Куры, несущие зайца, вот, что примерно было в сознании Бориса Кортонова, когда он ехал утром домой на Елизавет после ночной смены на азотно-кислородной станции. То есть, в его сознании была всякая ерунда. Маршрутка была полной, как какая-то беременная дура, залетевшая на подножку микроавтобуса на улице Восьмого марта, а потом вставшая перед Борисом. Он вначале не заметил, что она беременная – подумал, что просто полная. Но тут ей уступила место женщина, которая, как выяснилось из короткого диалога между ней и беременной, все равно выходила.

Народу было много. В конце восьмидесятых, помнил он, так же много набилось на концерт «Иваси» в местном клубе на «Вторчике». Тогда этот дуэт был популярен, как сейчас Киркоров с Аллой Пугачевой или любой другой эстрадный мужчина с «бородой». Борис не особенно сильно интересовался российской поп-музыкой. Настолько не особенно, что вполне можно было сказать, что скорее российская поп-музыка интересовалась Борисом. Хотя бы потому, что он был потенциальным слушателем FM.

Кортонов подергал наушники. Никакого звука. Хоть чем-то отгородиться от этого постылого первого дня мая. Вчера днем было тепло – тут боженьке можно поставить плюс в виде крестика. А к вечеру стало прохладно. Конечно, температура не опустилась ниже нуля в тот последний вечер апреля, хотя, он бы не удивился – в этом мире все уже давно или опустившееся или опущенное. Почему вдруг температуре еще держаться приличий?

Кортонов ехал в маршрутке «зайцем». Войдя на остановке в микроавтобус, он просто прошел назад и сел. Так костюмы садятся после стирки – костюмы ведь никому и никогда денег не платят. Дело было не в деньгах – он просто забыл про них. Вообще. Он даже не думал о Мальгине, слесаре с АКС, который на днях выиграл двести тысяч рублей. В другое время он вспомнил бы слова матери об их семейной невезучести, но не сегодня....

В его голове было много мыслей. Так много, что как буд-

то – ни одной. Как какой-то кавардак с ералашем: смесь сухо-го варенья, виста, предпочтения, картошки, говядины, орехов и сваренной головы Бориса Грачевского.

Чёрт! Чёрт! Чёрт! Он опять и опять вспоминал события сегодняшнего утра и вчерашнего вечера. Почувствовав, что кто-то смотрит на него, Борис поднял глаза. Справа от него – по диагонали – сидел молодой парень, худощавый блондин с волосами до плеч. На нем была черная майка с какими-то надписями и опущенным на спину капюшоном, на ногах джинсы. Он кого-то напомнил Кртонову. Попытавшись вспомнить, он, вероятно, пристальней, чем следовало по правилам этикета «маршруток» взгляделся в юношу, которому явно было лет шестнадцать-семнадцать. Черные глаза.... Странно для блондина, если он, конечно, не крашеный. Парень посмотрел на него. И Борис, мужчина, которому два дня назад исполнилось ровно сорок, почувствовал смущение. Этот шестнадцатилетний сопляк смотрел на него открыто, не отводя взгляда и самое неприятное, что смотрел он на него с каким-то пониманием.

Кртонов отвел глаза. «Гомик, что ли», подумал он, «они сейчас все „гомадрилят“ друг друга. Наслушаются „Тату“ и без всякого стеснения»....

Он вдруг понял, что думает так, как примерно говорила его мать. А также бабушка. Он рос в семье, отличной от этой «маршрутки». Неполной.

А ему ведь только двадцать девятого исполнилось сорок.

Два дня назад. Он родился в год, когда «Пинк Флойд» выпустили альбом «Темная сторона Луны», над Синаем был сбит «боинг» ливийских авиалиний, а именно в день его рождения открылся Всемирный торговый центр в Нью – Йорке.... 1973 год.

Когда, через двадцать восемь лет, в 2001 году, «близнецы» рухнули под выверенными ударами неба и земли, он испытал чувство досады. Как будто в детстве отобрали игрушку. Например, «железную дорогу».

Кортонов пошел к выходу. Стоя у двери, он почувствовал взгляд справа и повернул голову. Юноша, с уже накинутым на голову капюшоном, смотрел на него. Кортонову показалось, что он увидел в глазах парня какую-то насмешку. «Да он меня, что ли, „голубым“ считает!», возмутился Борис про себя. Ему хотелось крикнуть этому сопляку:

– Ты, овца, дуло залепи, пидор!

Но, конечно, он не крикнул. Это вообще было бы смешно. Какое там «дуло залепи?» – парень рта не открывал. Да и вообще – Кортонов никогда ни на кого не орал. Исключая разве мать и покойную бабуку. Порой они выводили его, конечно, тут трудно было не сорваться. Хорошо, что сейчас мать опять уехала в Челябинск – к его старшей сестре.

«Маршрутка» остановилась, но не там, где думал Кортонов. Каким-то образом, он перепутал остановки, встав раньше своей. Он посторонился, пропустив невысокого усатого мужчину в очках. Его плешь была прикрыта джинсовой

кепкой. Кортонов сразу понял, что у мужчины плешь, потому, что сам носил кепку, которая грела и прикрывала лысую часть его головы.

Микроавтобус не трогался. Более того – с их водителем, азиатским мигрантом, затеял ссору другой такой же – из «маршрутки», оставшейся позади. Водители громко и с акцентом орали друг на друга. Кортонов понял, что причина их ссоры связана то ли с вождением (он сам никогда не ездил за рулем, и не имел прав, поэтому не понимал все точно), то ли с тем, что «их» водитель каким-то образом «ворует» пассажиров у первого.

Перепалка продолжалась. «Маршрутка» не трогалась с места.

– Да ты з... ал уже! – заорал «чужой» в который раз.

– Да ты сам з... ал! – в очередной раз ответил водитель их маршрутки, который ни разу не стал «своим» для Кортонова за весь этот путь Елизавет.

Какая-то вдруг неведомая ярость охватила его неожиданно, мощно, неукротимо и он заорал, хриплым басом, перекрывая крики водителей:

– Хватит орать матом... бл... скоты!!!!

В микроавтобусе наступила тишина. Через секунду водители обменялись уже гораздо более тихими ругательствами, а еще через три или четыре «маршрутка» тронулась.

Сердце Бориса быстро стучало, от щек отлила кровь. В нем клокотало бешенство. Это чувство было хорошо зна-

комо ему, но впервые он так явно его выразил. Даже голос у него прозвучал как-то странно – чересчур низко. А эта хриплость в нем? А эти два мигрантских урода, устроившие перепалку так, будто кроме них тут не было ни кого?! А этот парень еще тут который?! Блондинчик этот самый. Кортонov наконец понял, кого он ему напоминает – соседа. В одном с ним подъезде жил один гаденыш – лет пятнадцати, наверное, не больше. Дом Кортонova был, возможно, самым плохим домом на Елизавет, Вторчермете и Ботанике вместе взятых. Его уже было пора сносить при Хрущеве, при котором его и построили. А гаденыш этот: Борис понял теперь, почему парень в «маршрутке» напомнил ему его – из-за капюшона, тот тоже всегда был в нем полностью головою – гаденыш разрисовал весь подъезд всякими надписями и рисунками. Надписи были – один мат практически. А рисунки.... Было нельзя смотреть на них без омерзения.

Кортонov спохватился – он же так переедет свою остановку! Он быстро пробрался к выходу.

– Будьте добры, остановитесь здесь, пожалуйста, – несколько извиняющимся тоном обратился он к шоферу.

Тот бросил быстрый взгляд на Кортонova и резко остановился. Бориса сильно мотнуло в сторону, и он вспомнил, что секунд двадцать назад орал на этого водителя, уроженца Средней Азии, хрипло и уверенно.

Борис вышел из микроавтобуса. На улице было не так уж прохладно. А когда он ехал в «маршрутке», казалось, что

чуть ли не минусовая температура.

Он шел домой довольно быстро. Когда-то он так же быстро шел домой из школы. Пацаны в классе, за редким исключением, не любили его. Что, в общем-то, можно ожидать от быдла? Все это давно забылось, но привычка ходить быстро, чтобы лишний раз не наткнуться на одноклассников и вообще на пацанов, знакомых и незнакомых, осталась. Вот привычку быстро есть, приобретенную в армии, он, вернувшись домой, оставил почти сразу. Наверное, потому, что, призвавшись весной девяносто первого, осенью девяносто первого он уже был комиссован. Его ударило упавшим бревном, чудом не размозжившим ему голову. Мать примчалась из Свердловска в Забайкалье быстрее поезда, на котором ехала. Или ехала бы. Он уже не помнил – на поезде она приехала или прилетела на самолете. Или в ступе, как он думал уже теперь, увлекшись буддизмом, и зная, что ступа в буддизме – это полусферическое сооружение, изначально бывшее в Индии просто могильным курганом, сооружавшимся для погребения царей или вождей. Ступа, знал он, это куча камней и земли. То есть стопка, по-русски. Эта мысль – на счет стопки – пришла ему в голову месяц назад. Она и сейчас ему пришла, но под алкогольным углом зрения. Не выпить ли шесть-семь стопок водки?

Выпить – решил он и пошел в магазин. Кортоннов знал, что это самый простой способ ощутить себя царем этого мира. Царем, которым он не стал из-за матери. Он получил

тогда в армии удар бревном по голове, который привел его на койку в госпитале. Сотрясение мозга. Но его не собирались комиссовать. Мать просто вымолила у врача нужное заключение в те последние дни СССР. И вот таким образом он, Борис Кортон, отправился домой. А ведь он не хотел. В Свердловске до армии он уже год учился в художественном училище. А попав в часть, его уже на КМБ заметил Санек, земляк с ВИЗа, старослужащий. Он в части был художником. Уходил осенью и подыскивал себе замену. Художник жил не в казарме, он даже тут ночевать не приходил. У него было не то, что отдельное помещение – хоромы. Кортон так дома не жил, как здесь собирался. В Свердловске у него была маленькая комната в двухкомнатной квартире. А тут двухэтажный кирпичный дом. Его построили для каких-то нужд, но пока строили – нужды отпали, и здание отдали под художественную мастерскую. Часть была большой – требовалось много плакатов, стендов, рисунков и прочей наглядной агитации. Вот таким образом, художники (их было, как правило, двое) жили как короли. Санек рассказал, как здорово водить сюда местных баб, как отлично бухать, когда есть возможность, и так далее. Не сравнить со службой остальных. «Ты «молодой» живешь здесь в десять раз лучше, чем любой «дедушка», сказал он Борису и тот поверил.

Прослужить Борису довелось всего ничего – полтора месяца. За это время он убедился в правоте слов Санька. И даже переспал с девушкой. Впервые в жизни. Она была стар-

ше его на пять лет. И тут эта дурацкая крыша, гадский чердак, попавшая под ногу чертова газета, сползшее вниз злощастное бревно, вонючий, пусть и не в прямом смысле, госпиталь, его мать!

Вот зачем она приехала? Да, он вернулся домой, его комиссовали, все вокруг было снова знакомым, родным и таким постылым, что хоть кошку вешай. Его маленькая комнатка с видом на другие пятиэтажки, комната рядом с двумя аккуратно застеленными кроватями: для матери и бабушки, подъезд с серыми стенами (гаденыш, потом изрисовавший их, тогда будто сдох – попросту еще не родился), и эти осенние вечера и ночи в окне, такие унылые и темные, что хоть крысу поджигай.

Ах, если бы он остался в армии! Санек был парнем веселым, компанейским, взявшим над Борисом своеобразное шефство. Никакой «дедовщины», местные девушки, сибирячки из небольшого города и больших деревень, разбросанных рядом с частью, как бисер, и полностью первый этаж в его распоряжении – можно было работать над своими картинами. В октябре-ноябре Санек бы ушел на дембель, а он остался. Живи – не хочу! Но – мать. Увезла его из армии. Ему прописали лекарства. Таблетки всякие. До двадцати лет он совсем не работал – писал картины, слушал классику, смотрел телевизор. Но пробиться не удавалось. Пока была жива бабушка, жить было можно – она получала хорошую пенсию. Умерла – и пришлось идти работать оператором ко-

тельной. Матери посоветовала ее знакомая. Он отучился, а потом его устроили на завод. Повезло в том, что он никогда не работал один, а все остальные операторы были опытными и все досконально знающими специалистами. Как-то отсиделся, но однажды случилось неприятное событие: напарник заболел, а из другой смены никого не дали. Первый день прошел нормально, а на второй ему позвонили с подстанции и попросили отключить отопление. Борис пошел на котел и, как он думал, закрыл нужный вентиль. Но, как оказалось, вместо того, чтобы отключить отопление на подстанции, он закрыл главную паровую задвижку. Уже через минуту сработала сигнализация. А до этого он забыл“ поставить котел на „защиту. Пару в котле некуда было деваться. Сработали предохранительные клапана. И он растерялся. Следуя какой-то непонятной логике, он начал сбрасывать воду. А всего-то надо было вновь открыть задвижку!

Котел он «сжег». Ему повезло, что уволили не по статье. Это было год назад. На нормальную работу в его уже немолодые годы было устроиться трудно. Но вот, два месяца назад, та же подруга матери предложила ей, чтобы он пошел работать на азотно-кислородную станцию, где были свободные места. Успокоив себя тем, что на котлах он как-то смог «продурковать» целых одиннадцать лет, Борис согласился. Работа оказалась мало оплачиваемой даже по сравнению с котельной, и более нудной и сложной. Он не сразу понял, что собой представляют эти компрессоры. И особенно не по-

нял, почему его взяли. У него сложилось впечатление, что от него ожидали знаний по специальности сразу же. Но ведь это нереально! Начальник станции, Шлаков, сам был не ахти каким специалистом. И все об этом знали. Шлаков сидел все время в кабинете, то смотрел кино, то залезал в скайп. А ведь он не был хозяином. А являлся таким же наемным работником, как и Кортон, только рангом выше. Просто у него были связи, которые позволили ему занять эту должность без должного профессионализма. Должность без должного – как шимейл без члена – принцип этого лживого мира.

Но плевать на Шлакова, плевать на ехидноватое отношение слесарей, подтрунивавших над тем, что Борис совершенно не имел технического склада ума. В принципе, весельчак Шинин, уехавший недавно с семьей в Египет, горлодерун Мальгин, любитель послушать гороскоп по радио и сыграть в лотерею, студент философского факультета Никита, которого устроил слесарем его отец, мастер участка, молчаливый Крепс, да и тот же Шлаков – все это было не страшно. Другое оказалось для него ударом. Да таким, что несколько дней он только и думал об этом. На станции работала его воспитательница из детского сада. Он, конечно, ее не узнал. Это было понятно. Просто в первый же день, женщина за шестьдесят, в «трениках» вытянутых на коленях, с крашенными черными волосами, с недобрыми глазами, внимательно посмотрела на него и, попытавшись приветливо улыбнуться, что у нее не получилось, спросила:

– Боря Кортонов? Ты в садик на Елизавет ходил?

– Да, – ответил он.

– А меня помнишь? – спросила она, делая то, что давалось ей, видимо, с большим трудом – приветливо улыбаясь.

Он вежливо улыбнулся, понимая, что, скорее всего, эта старая и явно злобная женщина имеет к нему какое-то отношение, и отрицательно покачал головой. До последнего он надеялся, что она не скажет, что была его воспитательницей.

– Я была твоей воспитательницей, – сказала она.

– Очень приятно, – сказал он, хотя чувствовал себя в этот момент более гадко, чем скотоложец среди скатофилов.

Ему скоро сорок лет. Ван Гог в свои сорок уже три года был как мертв, а он встречается на азотно-кислородной станции со своей воспитательницей из детского сада! Он уже сесть начал на висках, почти облысел, живот как у беременной женщины, а никто – полный нуль. Нуль. Ничего собой не представляет. Нуль без палочки. Он даже домой женщину привести не может. Ведь трижды приводил, но раньше бабка все время дома была, а она так и сказала:

– Мне эти все шалашовки спать не дают. Не надо это мне, Боря. Хочешь жениться – ищи с квартирой.

Он, конечно, после этого перестал при бабке приводить домой девушек. Но легко сказать «перестал»! Что они прямо на дороге валяются? Нет бабки дома, подобрал одну и повел домой?

А мать тоже не сахар. Бабка умерла когда, то он, позна-

комившись через сорок дней по интернету, встретился с одной на Вайнера. Мать уехала в Челябинск, к старшей дочери. Квартира была свободна. А женщина оказалась милостивой продавщицей из магазина сорока пяти лет по имени Жанна.

Эти два дня были очень приятными. Он показывал ей свои работы и даже читал стихи. Говорил, что свои. Стихи были, конечно, не его. Понятно, он не был идиотом, чтобы читать ей Пушкина или Лермонтова. Любая дура помнит со школы: «Я встретил вас».... Но вот Пастернака или Тютчева, Фета вполне можно было. Вряд ли она их слышала. Но он читал ей стихи совершенно неизвестного поэта, которые попали к нему случайно. Когда он работал еще в котельной, его напарник, сидя за столом и заполняя журнал, вспомнив что-то, сказал:

– Ты, вроде, увлекаешься таким вот, – он вытащил из сумки толстую тетрадь. – Тут стихи. Переезжали когда – жена нашла. Думала выкинуть – я не дал. Правда, я такие стихи не понимаю. О чем пишет человек – непонятно. Вот это, например, – он раскрыл тетрадь. – Нет, не это. А, вот.... «Синий вечер, белый снег. Был да вышел человек». Вот о чем это? – недоуменно посмотрел он на Кортонова.

– Это о смерти, – ответил Борис.

– О чем? – удивился напарник. – Надо же.... А я думал, что вообще ни о чем. Дескать, сидел-сидел мужик, надоело ему, зима, темно, он и ушел.

Напарник передал ему тетрадь.

Он потом читал эти стихи Жанне.

– Тебе нравится? – спросил он.

– Конечно, – сказала она. – И картины тоже. А поступать ты пробовал в училище?

– Училище? – не понял он. Ему показалось, что она спрашивает про какое-нибудь ПТУ, где он бы мог получить нормальную специальность.

– Ну как там... Суриковское, вот, – вспомнила она. – Это ведь где-то на Малышева, кажется?

Он почувствовал после этих ее слов то, что пустыня чувствует после жаркого дня – холод ночи. Его будто обдало этими минусами. Он даже вдруг понял, почему Минусинск Минусинск. Как же далеки они друг от друга! Но тут Жанна улыбнулась и предложила ее поцеловать. Это напомнило ему что-то давнее, что-то, конечно, им не забытое, но такое уже будто исчезнувшее....

И что ей не понравилось потом? Он ведь вел себя очень по-мужски: сдержанно, не показывая, что хочет ее безумно. А ведь они и пили еще. Алкоголь подстегивает желание. Да еще как. Правда, только вначале и в середине. У него даже не получалось вначале. Просто перенервничал перед этим. И сильно перенервничал.

Ведь когда он вел ее к своему подъезду, стараясь сделать это незаметно для окружающих, то наткнулся на Леньку – того самого сопляка, который загадил все стены подъезда своими надписями и рисунками.

– Как дела? – спросил тот нагло и протянул руку.

– Хорошо, – сказал Борис, буквально трясаясь внутри от унижения, пожимая узкую нахальную руку, хотя ему хотелось сказать: «Пошел вон, чухан вонючий»!

– Ладно тогда, – покровительственно усмехнулся малолетний хулиган и быстро, но оценивающе взглянул на спутницу Кортонова. После чего развернулся и пошел прочь. Сколько раз видел в окно его фигуру Кортонов. Где-то метр скрепкой – овальное тулово, овальная голова, маленький рост. Но чувствовалось, что, если надо, этот Ленька сцепит собою любую «шоблу», которая без него рассыплется как бумага. Борис знал его отца еще по школе. Тот учился на два класса старше. Прозвище у него было «Горшок». Некрупный, но злобный, он был «грозой» младших классов. Пару раз его били старшие братья обиженных им мальчишек. После окончания школы он исчез. Исчезают такие «горшки», как правило, в такие неотдаленные места, где их обжигают не боги, а быт, понятия и распорядок дня. Потом появился, но ненадолго – переехал к своей жене в общежитие на Ботанику. Иногда приезжал домой к матери. Когда поставили в подъезде домофон, то постоянно звонил в квартиру к ним, к Кортоновым, и веселым, пьяным голосом просил открыть, говоря одно и то же: «Это я, Саня «Горшок»». Мать Бориса его очень не любила. Да и сам Борис его терпеть не мог. А его сына просто ненавидел. Когда тот был маленький, то просто не замечал его, но вот уже год или

полтора не замечать это адское существо было нельзя. «Горшок» опять уехал осваивать новые нары, а его отребье под кличкой Ленька (Кортонов был уверен, что у такого не может быть имени – только кличка) продолжил осваивать начатое отцом дело. И все бы ничего, но обратил внимание Кортонов, что Ленька как бы приглядывается к нему, присматривается. И это Борису не нравилось. Вот и правильно все – поздоровался с ним так невежливо, с человеком, который старше его на четверть века!

Поэтому не очень-то получилось и с женщиной тогда. Нервы. А Акулина! Та самая бывшая воспитательница. Его, еще как только он пришел работать на азотно-кислородную станцию, дважды спросили: «И как ты только с ней работать можешь? С ней никто не уживается». Это было, конечно, неправдой – с ней очень неплохо уживался Шлаков. Увидев его, она начинала приветливо улыбаться, разве что только не шипела и не подрагивала гремуче хвостом, а он, отводя глазки в сторону, спрашивал о состоянии компрессоров и аппаратов, хотя понимал в этом не больше, чем пыль под колодкой компрессора понимает в подколодности.

Было понятно, что пенсионерка Акулина боится потерять это место. А Борис Кортонов являлся для нее прямым конкурентом. Ему уже сказали, что до него с АКС уволились три молодых парня – не смогли работать в ее смену. А в другую, Шлаков, преследуя какие-то свои цели, их не переводил.

Но Акулина вела себя до поры до времени нейтрально.

Хотя, Борис замечал ее недоброжелательные взгляды. Да и не только это. Как-то, в самом начале его работы на АКС, он попросил ее показать ему ступени компрессора.

– Что тут показывать? – зло буркнула она и тыкнула пальцем. – Вот – первый, второй, третий, четвертый.

– Понятно, – сказал он. – По порядку, значит.

Ему было неудобно, что он за три смены еще не сообразил, что все так просто.

И только через месяц выяснилось, что Акулина неправильно показала эти ступени. Шли они совсем не по порядку, а как бы: первая, третья, вторая, четвертая. Это, если сверху. Или: четвертая, вторая, третья, первая. Это, если снизу. Он тогда подумал, что вот она причина того, что у Акулиной только третий разряд, а не пятый как у Ивановой, женщины, которая проработала на десять лет больше. Но потом понял, что Акулина просто вводила его в заблуждение, чтобы он так и не освоил специальность. Она еще несколько раз подводила его. Однажды он обратился к ней с вопросом относительно аппаратов разделения воздуха.

– Какие аппараты? – почти возмутилась она. – Ты вначале компрессоры освой, а потом уже аппараты....

И буквально через пару смен сама же при Шлакове задала ему вопрос, показывая на аппарат:

– Что этот манометр показывает?

– Давление, – растерянно произнес Борис.

– Это и ежу понятно, что давление. Давление где?

Он взгляделся в манометр.

– Это давление в нижней колонне, – наконец сказал он.

– Вы уже давно работаете, – сказал Шлаков с выражением лица таким, будто съел килограмм катионита, – а только после того, как основательно подумаете, отвечаете. А тут может быть экстренная ситуация, надо быстро соображать. В общем, смотрите.... Думаю, не для вас это работа.

Борис хотел сказать, что та же Акулина говорила ему пока повременить с изучением аппаратов, но сдержался. Ему стало жалко ее. Ведь не от хорошей жизни она в своем возрасте «ишачит» на производстве. Да и как-то по-детски это – жаловаться. Тем более, кому? Шлакову, человеку с невразумительно-обиженным лицом кое-как назначенного кое-кем начальника? Он сам-то уверен, что его подчиненный ответил правильно?

А вот сегодня, когда он был в ночную смену, Акулина вышла за рамки. Борис знал, что она может легко закричать на кого угодно. За это ее и звали за глаза «старой идиоткой». Он понимал, что она может и на него наорать. Но он не ожидал, что она найдет такую причину, какую нашла.

Каждый час он записывал показатели: давление, температуру.... Два раза за смену аппарат для каждого компрессора переключали, и тогда показатели записывали старые. Акулина давно уже сказала ему часы, когда аппараты переключали. Он все сделал как надо. В час ночи занес данные на второй компрессор. Акулина в этот момент зашла в «кабину» – по-

мещение, где должен находиться оператор во время работы.

– Ты зачем пишешь параметры раньше на час? – подко-
лодно спросила она своим гремучим голосом.

– Как раньше? – удивился он. – Я пишу, как вы сказали.

– Ты мне дурочку-то не валяй!!! – вдруг заорала она. – Я тебе все правильно говорила! Ишь ты – писарем сюда устроился!!!

Она тут же сбегала за еще двумя женщинами, работавшими в смену, и, продолжая кричать, что Борис устроился сюда писарем, стала обвинять его в том, что он не понимает работу. Это было несправедливо. Он уже полностью разобрался с компрессорами. Более того, был уверен, что знает их не хуже Шлакова. Женщины, которых привела Акулина, чувствовали себя неудобно. Пожалуй, они бы заступились за него, но явно не хотели связываться. А Акулина продолжала кричать!

Да на него так даже мать не кричала! Даже тогда, когда он два года назад решил заняться тату. Дело в том, что случайно на Малышева, рядом с художественным училищем, он встретил Санька – того самого «дедушку» из армии, который прочил его, Бориса, на свое место. Они не виделись больше двадцати лет, но фотографическая память Кортонова подсказала: «это Санек с армии». Тот вначале даже не понял, кто этот лысоватый мужчина с торчащими с боков остатками рыжих волос, но, когда признал, то сильно обрадовался. Борис тогда подумал, что, наверное, больше никто в этом

мире ему не был бы так рад. Санек рассказал, что, приехав в Екатеринбург, «хотя уезжал из Свердловска-то я», он кинулся было в коммерцию, но прогорел. Остался должен денег. И тут подвернулась оказия уехать в Питер. А там попал в струю через несколько лет – стал работать в тату – салоне в самом центре. И сейчас у него у самого два таких салона. И на жизнь он не жалуется.

Он повел Бориса в ресторан. До этого Кортонцов только три раза был в ресторане. Два раза на свадьбе и один раз, когда ошибся дверью. А тут все было по-настоящему: любезная официантка, которой Санек в конце небрежно и уверенно дал на «чай», дорогие напитки и еда, приятная музыка, накрахмаленные скатерти, шикарная обстановка, хрусталь вместо пластика, «прекрасно» вместо «нормально».

Не-нор-маль-но. Ненормально живу я, подумал тогда Борис и, решившись, благодаря алкоголю, предложил свои навыки и умения художника здесь в Екатеринбурге. Как татуировщика. Санек заметно погрузтел. Ему совсем не хотелось говорить о делах, тем более, обсуждать их перспективы. И тем более, как понял Кортонцов, с ним. А вот рассказывать про то, как он начинал свой бизнес, про нюансы: «татуировки зелеными чернилами хуже всего потом убираются», «самые дорогие – белые, но, все равно, это копейки», «в шестьдесят бабочка на попе когда-то пятнадцатилетней „куколки“ превратится в гусеницу», ему было просто в кайф. Тем не менее, он не отмахнулся полностью от того, с кем

двадцать лет назад имел совсем непродолжительную армейскую дружбу, и обещал помощь. Спросил:

– Как у тебя со здоровьем?

– Отлично. Инвалидность уже двенадцать лет назад сняли.

Он не сказал, правда, что мать время от времени заставляет его принимать лекарства, беспокоясь за его здоровье.

А на следующий день он купил краску для татуировок. Машинку для их нанесения. Стоило это удовольствие всего-то тысячу. Но, когда мать увидела то, что он купил, она раскричалась так, будто он за эту тысячу кого-то убил.

– Еще этого мне не хватало! Будешь тут на дому устраивать мне всякую гадость!

Он пообещал, что выбросит краски, но обманул мать, спрятав их под кроватью. Когда он привел в гости Жанну, то хотел показать ей, чем собирается заниматься, когда Санек приедет из Москвы, но не стал. Тем более что беспокоился насчет ее понимания тату. Вдруг у Жанны тату вызывают ассоциации с чем-то таким, что было на стенах его подъезда?

А его подъезд был изгажен «творениями» младшего Горшкова. И что раздражало больше всего, это не похабные рисунки совокупляющихся человечков, не «птицы счастья» – члены с крыльями, не мат, а то, что нарисовано это было отвратительно и плохо; а написано – с ужасными ошибками. Кортонов заходил внутрь и не мог спрятать взгляд от этого всего: «песда», «саси», «гандон», неандер-

тальских рисунков, которыми даже не стал бы тешиться мальчик из Тешик-таша, и совершенно неправильно подобранных цвета и перспективы.

Когда он провожал тогда Жанну, то получилось так, что она вышла первой из подъезда. Он немного замешкался, закрывая дверь. Спускаясь, он увидел Леньку, который что-то увлеченно выписывал на чудом оставшемся клочке стены.

– Леонид, ты бы уж бросил свое занятие, – сказал Борис с легкой улыбкой.

– Пошел ты, – сказал, не поворачиваясь, подросток.

Бориса бросило в жар. А что, если Жанна слышала? Он ничего не сказал и быстро скатился вниз. По ее взгляду он не понял – слышала ли она, как с ним общается сопляк пятнадцати лет или нет?

Он думал об этом потом много раз. Даже тогда, когда они поехали в Челябинск. Там жила сестра. Поехали на машине, дядя тоже решил навестить племянницу. У сестры шестнадцатого февраля был день рождения. Мать решила лично поздравить. Уговорила Бориса тоже поехать, хотя он и планировал провести эти три дня один в квартире. Или не один, возможно, что ему составил бы компанию Мозгалев, тот, с кем он в последнее время выпивал. Пригласить женщину было неудобно – мало денег, а им ведь надо устроить праздник какой-то. С Мозгалевым, которого он знал с детства, было проще – выпить, поговорить....

Поехать решили в пятницу, утром. У дяди был выходной

на работе, он был уже на пенсии, но с Уралмаша не увольнялся. Держался за рабочее место так, как пациент за больное, а профессионалка за причинное – почти без отрыва: возьмешь «без содержания», а тебя самого начальство на заметку возьмет. «Пробок» в городе не было, уже в начале девятого они оставили за собой Сысерть.

– Остановите, дядя Толя, – попросил Борис, когда после Сысерти они проехали еще километров сто или даже сто с легким двадцатиметровым гаком – остановкой у магазина, чтобы купить сигареты.

– Приспичеловек? – быстро повернувшись, понимающе спросил, улыбаясь, прирожденный оптимист дядя Толя.

– Какой человек? – не понял Борис.

– Приспичило, говорю? Щас, остановимся. А до остановки не потерпишь, что ли? Сейчас скоро будет тут здание. Там покушать можно, в туалет сходить нормально, – тоном, которым обращаются к ребенку, произнес дядя Толя. – Типа того, что мы проезжали уже два раза. Или тебе уже невмоготу? Тоже правильно, в твоем возрасте – пятый десяток уже – надо сразу в туалет уже ходить – как только захочешь.

«В твоем возрасте», «надо сразу в туалет».... Кортонов даже не понял, о чем речь-то идет?

– Ему не пятый десяток, – как бы защищая, сказала мать. – Пока только четвертый. Боре ведь тридцать девять еще.

Дядя промолчал.

– А почему мне надо сразу в туалет ходить? – спросил

Борис.

– Чтобы простатита не было, – отозвался дядя. – Это помогает. А вообще – Челябинск-то уже вот-вот....

Почему помогает, хотел спросить Кортон, но не стал.

– Эх, – покачала головой мать, – вот Мозгалевым-то повезло – дочка поехала в Москву поступать, познакомилась в метро с парнем, а он олигархом оказался. Нет, чтобы нам так хоть раз повезло. Невезучие мы, – вздохнула она.

Борис никак не отреагировал на эти слова, уставившись в окно. Эту песню про «невезучих» он слышал чуть ли не с колыбели. А рассказ про младшую сестру Мозгалева, которая познакомилась в метро с олигархом, уже второй год. Но дядя Толя отреагировал со смехом.

– Это ты, Валя, к чему? Сама в метро поедешь или Борьку отправишь с олигархами знакомиться?

– Да брось ты... знакомиться, – с неудовольствием сказала мать. – Я ведь вообще....

– Все это относительно, знаешь. Вот, нашли девчонку недавно. Мертвую. У нас, на Вторчермете.

– Господи. Что случилось?

– Да маньяк, я думаю, завелся, – странно весело произнес дядя. – Тут еще девчонка молодая пропала. А ничего не сообщают об этом.

– Ты-то откуда знаешь?

– Слухами земля полнится. Все, давай, Борис, выходи....

«Тойота» остановилась на обочине. Он вышел из машины,

подошел, отвернувшись от матери и дяди, ближе к заднему колесу. Увидел, что по дороге едет машина. Это был красный «фольсваген-жук». В таких автомобилях обычно ездят женщины. Он повернулся в другую сторону. Увидел, что мать и дядя о чем-то разговаривают, на него не смотрят, и успокоился. В конце концов, не в штаны же ему прудить?

Сделав дело, он застегнулся. И тут же увидел что-то появившееся в небе, настолько же ясным и голубом, насколько ясен «голубой» на гей-параде. Это «появившееся» было ярким летящим шаром. И тут же все осветилось и стало жарко, как летом. На теле Бориса выступила испарина.

И раздался гром....

– Что это было такое? – деланно весело, но несколько напряженно задал риторический вопрос дядя, вылезая из «той-оты».

Мать испуганно осталась сидеть внутри.

Они с дядей смотрели на небо. В нем осталась широкая белая полоса.

– Самолет, что ли, взорвался? – предположил дядя.

– Так, вроде, ничего не горит, – сказал Кортонков.

– Где? – не понял его дядя.

– На земле, – пояснил Борис. – Осколки бы упали уже.

И дым бы был.

– Да – а, – подумав, протянул мужчина. – Это точно. А там как раз заводы. Это же Metallургический район. Куда мы заезжаем, из Свердловска если едем.

– Прямо как звезда упала, – сказала мать, открыв дверь.

– Да, – усмехнулся дядя, – звезда. Хоть желание загадывай. Ты не загадала случайно? А ты, Борис?

Кортонов промолчал. Лишь криво улыбнулся.

Через полчаса они уже медленно проезжали мимо красного здания, чья стена была частично разрушена.

– Цинковый завод, – сказал дядя. – Вот, блин, приехали-то...

Вскоре уже стало понятно, что произошло. Упал метеорит. Это событие стало темой для разговоров за праздничным столом в квартире сестры, где одно из окон было забито картоном – его выбило при взрыве.

Мать решила остаться в Челябине еще на пару дней, а он поехал назад на автобусе.

Все время Борис смотрел в окно автобуса, за которым мелькали живые большие палки в основном смешанного типа, но с преобладанием сосен. «Наверное, среди них есть и волшебная», подумал он с усмешкой, «еще ее бы для надежности к той „падающей звезде“».

Ведь во время полета болида к земле, он загадал желание, но не сказал об этом дяде. Ведь, если сказать, не исполнится.

Когда автобус уже оказался в Екатеринбурге, в том месте, где дорога сужается, обрамляясь одноэтажными домами, он вдруг почувствовал себя ниткой, вставленной в угольное ушко.

Игла входит в плоть. Нить следует за ней, остается в пло-

ти, а потом – по прошествии времени – растворяется в ней. И останется разве что шрам. Как у него на сердце из-за того, что он никогда не видел отца.

Что осталось у него от него? Несколько фотографий, которые мать забыла выкинуть?

Он смотрел иногда на эти немногочисленные, как первые крики новорожденных юкагиров, фотографии, и не верил, что этот молодой человек действительно его отец. Что у него была фамилия – Грудицын, было имя – Максим. Мать сказала, что он погиб еще до его рождения. Иногда ему казалось, что это не так. В детстве и сейчас, при употреблении алкоголя.

Мать не любила, когда Борис выпивал, но он умело избегал прямых конфронтаций. Допустим, приходит он с работы вечером, уже «затаренный», и ждет, когда она будет укладываться. Мать перед сном всегда принимает таблетки. «Чтобы как под пальмой спать – безмятежно», говорит она. И спит потом всю ночь под своими фенозипальмами, о которых на утро ничего не помнит. И вот тогда он выпивает.

В последние два года он стал пить в компании Мозгалева. Это был его одноклассник и не только – сын семьи, с которой когда-то дружила мать. Причем, настолько сильно, что они часто выезжали на природу на машине родителей Мозгалева. Однажды даже поехали в Златоуст. Там жили родственники Мозгалевых. Это было в девяностом. Он никогда не забудет ту поездку....

– Напишешь ты еще свой шедевр, Борька, дурилка ты, напишешь. Давай «бахнем», – эти слова Кортоннов слышал от Мозгалева уж семнадцать месяцев. И прекрасно понимал, что Мозгалев над ним подсмеивается. Даже в этом его «дурилка» он слышал издевку. Он ведь смотрел «Место встречи изменить нельзя», помнил. «Дурилка картонная» – так это звучит полностью. Так называют фальшивую, сделанную из картона утку, которой обманывают уток настоящих. А ведь он, Борис, даже не задумывался, чтобы назвать, например, Мозгалева «мозгляком». Так, в шутку употребить это слово. А ведь Мозгалев вполне подходил. Тщедушный во всех – физических и моральных смыслах этого слова человек.

Да и еще кое-что знал Борис. Мозгалев появился в его жизни после десятилетнего перерыва неожиданно. Просто позвонил. Потом встретил Бориса у котельной после работы. И там же предложил выпить, после чего как-то стал частым его собутыльником. А потом как-то предложил писать портреты на заказ. По фотографии. Деньги предложил небольшие, но Кортоннов был рад и таким – мать не отдавала его зарплатную карточку ни в какую. Позже Борис узнал случайно, что себе Мозгалев берет две трети от суммы. А сам-то говорил, что больше не платят. Да и не только это. Мозгалев подсмеивался над его рубахой. Красной в черную клетку. Как-то выпив больше, чем обычно, он сказал:

– Ты, Борька, как Малевич в квадрате. И черный и крас-

ный.

И захохотал. Вроде бы, безобидная шутка, но увидел Картонов как насмешливо дрожит в глубине преддверия гортани широко открытого рта Мозгалева красный отросток и понял – его собутыльник презирает его.

И стихи, которые он пробовал ему читать – тоже. И это было неприятнее квадратов.

Он однажды прочитал Мозгалеву то, что казалось ему очень личным, очень трогательным: «Мечта – как игрушечный поезд. А вот, „Детской железной дороги“ и не было у меня»!

Это было хокку. Мозгалев знал, что это такое, как и знал, кто такой Малевич – Борис говорил ему, но, тем не менее, ждал продолжения.

– Все? – спросил он, когда Кортон не продолжил.

– Да. Так и надо было.

– Эх, Борька, дурилка ты. «Игрушечный поезд»....

Он взял в руки спичечный коробок. Борис уже знал, что Мозгалев наживает на нем. Но злило не это, а то, что Мозгалев ни разу не покупал зажигалок, даже самых дешевых. У него всегда были только спички. И алкоголь он приносил самый дешевый. О закуске и говорить не приходилось. Благо, в доме всегда было что поесть. Мать обязательно готовила утром и ближе к вечеру. Борщ, пельмени, салаты не только по праздникам, пюре, котлеты, рыба жареная, колбаска....

Была в Мозгалеве какая-то зряшная скупость. Тем бо-

лее противная и отталкивающая, что любил Мозгалев поговорить насчет евреев в критическом ключе, отыскивая какие-то феноменальные в своей глупости примеры якобы еврейской жадности. В своем энтомологическом антисемитизме он, порой, напоминал, Кортонову жука. Такого противного жучка-короеда, увеличенного до размеров козы. Перебирая ножками, движется этот жук вперед и вперед, истощая устойчивость дома.

Спички в руках Мозгалева злили Бориса больше, чем его пьяная покровительственность или энтомологический антисемитизм.

– Вот, – сказал он, – про спички твои любимые. «Я зажигаю спички, по одной, и жду, гляжу, как догорает спичка, и новой чиркаю, а темнота все ждет».

– Почему про мои любимые? – удивился Мозгалев, даже не оценив прочитанное.

– Да так, – махнул нетрезвой рукой Борис.

Вероятно, Мозгалев уже тоже был изрядно нетрезв. В таком состоянии многие путают движения и слова. Его явно задела эта нетрезвая рука.

– А что ты машешь? Темнота всех ждет, между прочим. Или ты думаешь, тебя там свет встретит на том свете? Нет. Ничего подобного. Забвение, Борька, забвение. Даже, если на твоей могиле памятник будет высотой с кудыкину гору. Только куда тебе, дурилка ты...

Кортонов услышал, как засвистел на кухне чайник.

– Мой чай закипает на вечном огне – такой вот отгрохайте памятник мне, – произнес он, усмехнувшись.

– А че ты чайник-то поставил? – удивился Мозгалев. – Пить-то не будешь, что ли? – конечно, под «пить» он имел в виду спиртное.

– Я бруснику чтобы заварить.

– Бруснику?

– Ну да. Сушеная, я отвар делаю. Для почек.

– Понятно. Я помню, брусничным вареньем нас в Златоусте угощали, да, Боря? Помнишь?

Кортонов почувствовал, как его сердце забилось сильнее. Он, конечно, помнил. Ему было семнадцать лет. И ей столько же. Она была стройной девчонкой с обесцвеченными волосами. Ей шло. Она была дочкой хозяев дома, куда они приехали. Он понял, что понравился ей. Они пошли гулять. Он никогда раньше не гулял с девушкой. Он слышал из невидимых златоустовских магнитофонов песню «Плот» Юрия Лозы, «Васю» группы «Браво», «Кукушку» группы «Кино», но когда они вышли к реке, откуда-то раздалась совершенно чудесная песня. Он не знал ее, но потом уже нашел запись. Шинейд О'Коннор «Ничто не сравнится с тобой».

Девушка и он подошли к реке ближе.

– Ай, – сказала она.

– Что? – встревожено спросил Боря.

Она улыбнулась.

– Река так называется. Ай.

– А.

– Б, – сказала она, высунула язык и рассмеялась.

– Сидели на трубе, – добавил он.

Самым странным образом он не чувствовал с ней никакого стеснения. Она его, конечно, волновала. Она его бесконечно волновала. Казалась ему очень красивой. И была такой.

– А тебе не темно будет? – спросила она.

Они шли к реке, чтобы он нарисовал ее портрет. В разговоре он сказал ей чуть ранее, что немного рисует. Она заинтересовалась. Он впервые так свободно, долго и увлеченно рассказывал ей о художниках, которых знал. Она спросила – может ли он нарисовать ее, и он ответил, что – да. Она нашла кусок ватмана, карандаши и они пошли к реке.

– Нет, пока достаточно света, – ответил он.

Он рисовал ее, стараясь ухватить не просто внешность, но, то неуловимое, что незримо присутствовало в это мгновение и, в то же время, было явным как пробел в образовании дилетанта, мечтающего о вечной любви так же неистово, как другие дилетанты мечтают о вечном двигателе.

Стал накрапывать легкий как первый поцелуй дождь.

– Вот ведь невезение, – сказал он. – Я еще не закончил.

– Много осталось?

– Нет, совсем чуть-чуть. Я могу дома доделать.

– Тогда я не буду смотреть, – сказала она. – Ты дома закончи, а потом пришли мне. Хорошо?

Он кивнул, хотя имел в виду совсем другое – что закончит дома у нее, когда они вернутся.

Он осторожно свернул ватман.

– Пошли вон туда, на веранду, – предложила она.

– Пошли.

Они стояли на веранде. Шел дождь. Они смотрели на то, как капли бьют по поверхности реки. И когда одна из них, а, может быть, миллионы их в очередное, но волшебное мгновение соединились с Ай, их уста соединились в поцелуе....

Он уехал в Свердловск на следующий день – мать торопилась на работу, хотя и могла еще остаться на сутки. Он, конечно, закончил портрет на ватмане быстро, но решил сделать девушке подарок настоящий. У него был холст и краски. В голове крутилась старая песенка про художника Пиромани и миллион алых роз. На одном из лотков с художественной литературой, расплодившихся в городе в большом количестве, он увидел книгу «Бхагавад-Гита, как она есть». Он не купил ее – просто денег не было, но просмотрел иллюстрации. Одна из них подсказала ему идею картины. Реинкарнация. Раньше Таня – так ее звали – была розой, а потом переродилась в прекрасную девушку. И была она розой белой. Как ее волосы.

Мозгалева и тогда был довольно бесцеремонным субъектом. Он приехал из Златоуста через три дня и тут же приперся к Борису. Дверь открыла мать, и Кортонов еле успел спрятать начатый портрет между диваном и стеной.

Мозгалева начал с того, что попросил холодной воды. Потом рассказал какой-то пошлый анекдот. Покровительственно одобрил увиденный рисунок – луч света от инопланетного НЛО освещает нападение демона на единорога – так и не поняв сути: луч высветил параллельный мир. А потом заметил картину за диваном. Достал ее без разрешения, положил обратно. Открыл окно, достал сигарету, предложил покурить ее на двоих. Борис отказался. Он хотел и Мозгалеву запретить курить в его комнате, но мать ушла (он слышал, как щелкнул замок), так чего уж там? А через несколько секунд уже был бы не против запретить Мозгалеву жить. Потому что Мозгалев с похабненькой улыбкой сказал, что «чпокнул» Таню пару дней назад. Кортонув вначале не понял, что это значит. В первое мгновение он решил, что Мозгалев поцеловал ее. Чмокнуть – это в щеку, а чпокнуть – в губы, так он вначале подумал. Это было неприятно, но, благодаря дальнейшему рассказу, он понял истинное значение этого слова – то почувствовал боль. Раньше ему не доводилось чувствовать подобное. Он как будто умер. То есть, почувствовал то, что раньше не чувствовал. В этом смысле.

– Она же твоя сестра? – спросил он.

– Да какая сестра? Тройродная! Или четвероюродная даже.... Можно, получается....

Кортонув не отправил ей портрет на ватмане, а картину так и не дорисовал. Он заболел. Лежал почти две недели на диване и хотел умереть. Было жаль мать – он у нее был

один. Потом как-то все зарубцевалось. Так, наверное, у поэтессы Людмилы Дербиной зарубцевалась, в конце концов, боль об одной крещенской ночке в Вологде, а у реки Рубикон зарубцевалось ее русло....

Но вот прошло двадцать три года, и после вопроса Мозгалева о брусничном варенье в Златоусте он опять почувствовал боль.

– Дело прошлое, конечно, Борька, но ненастойчивый ты. Танька тебя вспоминала, понравился ты ей.

Кортонов промолчал.

Мозгалев налил себе, Борису....

– Да, хороша была. Я к ней, признаться, сам подкатывался.

– Что значит – подкатывался? Жениться, что ли, предлагал? – не понял Борис.

– Почему сразу «жениться»? Да я бы и не против был, но мы же родственники. Не по-людски как-то, – усмехнулся он. – Так.... Чисто сексом заняться.

– А вы что – не занимались? – Кортонов почувствовал, как у него перехватило горло.

– Да нет.... – ответил Мозгалев.

– Ты же говорил. Тогда еще. Давно.

– А-а-а... – вспомнил его собутыльник. – Точно. Да это я по молодости сболтнул. Соврал, короче. Мне, я помню, завидно стало. Она ведь первая красавица была. Ни с кем не общалась, в общем-то. А тут ты приехал – вроде ничего

сам из себя такого уж, ты извини, Боря, не представлял, а, гляди ты, она тобой заинтересовалась. Хотя... ты симпатичный был в детстве. И юности, это потом вот быстро... ому-жичился. Вот я и соврал, что у меня что-то было с ней. Она потом спрашивала про тебя. А я разве не говорил?

Борис покачал головой. Он чувствовал, что может сейчас разрыдаться.

– Я сейчас, – сказал он и вышел на кухню. Там выпил стакан холодной воды.

Вернулся.

– Воду вскипятил, а заварить бруснику-то забыл, – сказал он. – А что она, где?

– Танька-то? Да как обычно – замуж вышла. Детей трое. Растолстела, конечно. Там, в Златоусте живет. Недавно в Египет съездила, вернулась черная, как твой квадрат Малевича, – довольный шуткой, он рассмеялся. – Ты-то когда накалякаешь свой шедевр, а, Борис?

– Скоро, – пообещал Кртонов, терзаемый чувством горькой обиды.

– Давай, выпьем, – Мозгалев налил еще. – Конечно, давай, Гоген ты наш, – добавил он, ненавязчиво демонстрируя, что рассказы-лекции Кртонова не прошли даром.

– Я еще Гогена затмлю, – сказал Кртонов, стараясь не смотреть на своего собеседника.

– Затмишь? Конечно – ты, Борька, всегда был амёбоциозным, – вставил Мозгалев слово не из своего лексикона.

Борис мрачно кивнул. Мозгалева не ошибся. Он, Борис Кортонов, действительно амёбоциозный тип. Что он оставит после себя? Ничего. Даже какая-нибудь инфузория оставит след своей туфелькой. А он? Как он сможет «абилитировать-ся», говоря словами Мозгалева, за свою никчемную жизнь?

Настолько никчемную, что какой-то глупый малолетка с интеллектом крышки унитаза смеет им помыкать!

Неделю назад Борис шел домой, купив по дороге вкусных пирожков в хорошей кулинарии.

– Лысая башка, дай пирожка! – вдруг прилетел откуда-то озорной выкрик, неожиданный как плевок с верхнего этажа.

Он вздрогнул и увидел перед собой младшего Горшкова. Леньку. Тот смотрел на него с уверенностью хама перед интеллигентом.

– Ты чего так... распетушился? – доброжелательно спросил Кортонов, найдя в своем лексиконе слово, которое меньше всего подходило для обращения к представителю намечающийся уголовной династии, и быстро шмыгнул в подъезд.

– Че?! – скривился подросток, усмотрев в словах Кортонова неприкрытое оскорбление. – Ты за базаром следи, понял, овца?! А то я тебя....

Последние слова полетели уже в спину Бориса....

Почему «они» такие!? Он сидел дома, пытаясь понять всех этих «горшковых». Да, понятно, потому, что он – такой.

Потому, что он всегда стряхивает «ерш» в унитазе, а такие, как Горшков, «ерш» не стряхивают – они «ерш» пьют.

Но неужели в этом мире и так недостаточно всякого дерьма, грязи и насилия? Он ведь намного сильнее этого подростка. Просто – сильнее. И пусть он никогда не дрался по-настоящему, но часто смотрел фильмы, где это делают, у него еще с конца восьмидесятых есть книги по боевым искусствам. Он имеет хорошую теорию. Но, если в первом акте хорошая теория висит на стене, то в конце действия она станет практикой – плохой или хорошей, не важно....

Первого мая 2013 года Борис Кортоннов возвращался домой, где сегодня его никто не ждал. Матери сегодня не будет. Он зашел по пути в магазин, где приобрел коньяк.

Мать, конечно, понимала, что он пьет, но не кричала на него – силы были уже не те. Конечно, рос бы Борис с отцом, в полной семье – все было бы по-другому.

Но порой Боря думал, что лучше не иметь отца, чем такого, какой был у Мозгалева. Вот мать и отец Мозгалева постоянно орали друг на друга. Мать больше. Отец меньше, но зато громче. Их крики разносились по всему подъезду. Кортоннов знал это потому, что несколько раз заходил в те школьные годы к нему. Но Мозгалев будто не стеснялся этого. Орут и орут. Правда, эти крики будто действовали на них, как омолаживающее – и через двадцать пять лет оба выглядели как два огурца в банке. И лишь иногда как два паука.

В детские годы Борис иногда приезжал вместе с Мозгалевым на их садовый участок, который находился недалеко от города. По советским меркам у Мозгалевых был непло-

хой дом. Одноэтажный, но большой. Крыша была высокая, так что чердак можно было использовать как второй этаж, но использовали его только как склад. Мозгалева постоянно воровал из подвала дома банки с соком или вареньем. Он любил сладкое....

Кортонов увидел Ленку Горшкова издалека. Тот стоял к нему спиной и о чем-то оживленно говорил по краденному мобильному. Другого мобильного у него просто не могло быть.

«А ведь это из-за него у меня тогда так плохо с Жанной получилось», подумал Кортонов. И тут же ему пришло понимание, что Ленка должен как-то возместить ему ту неудачу. Эта мысль, быстрая, как банкир, заставила его ускорить шаг. Банкир... банкир... банкир.... мысли летели и летели. Почему – банкир? Наверное, потому, что так же быстро, как его мысли, летели когда-то банкиры из зданий на Уолл-стрит, выпрыгивая из окон во времена Великой Депрессии? Или потому, что пролетали они мимо него здесь в Екатеринбурге на своих «майбахах», «БМВ», «мерседесах», торопясь жить, торопясь зарабатывать.... Мимо него, мимо него....

– Леня, – сказал он.

Горшков повернулся, не переставая разговаривать по телефону.

– Дело есть, – коротко произнес Кортонов.

В глазах подростка мелькнуло удивление.

– Погодь, Шишка, – сказал он в трубку. – Я сейчас пере-

звоню. Дело? Какое дело? – он хмуро смотрел на своего соседа по подъезду.

– Ну, во-первых, – Кортонов показал магазинный пакет, – вот это. Пойдем ко мне, что нам «на сухую-то»? Там все «перетерем» по-человечьи.

Горшков кивнул. На его лице боролись разные чувства. И Кортонов их видел. Одно из них он бы изобразил коричневым и мозаичным, другое – цветом мочи больного нефритом, третье, последнее – в виде повешенного Иеронима Босха.

– Пошли, – сказал Горшков. – Что там у тебя? – поинтересовался он миролюбиво, когда они поднимались по лестнице.

– Коньяк, – ответил Кортонов.

– О, разбогател? – поинтересовался подросток.

– Твоими молитвами, – сказал Кортонов.

– Че? – не понял Горшков.

– Да, есть малехо «воздуха», – сказал Кортонов языком, как он посчитал, более понятным малолетнему соседу.

– Че, «хату отработал»? – усмехнулся Горшков.

– Ну, – осторожно протянул Кортонов. – Как-то так....

Он боялся спугнуть подростка. Конечно, этот хулиган сам, кого хочешь, может испугать, но все же....

Они уселись за столом в его комнате. Он нарезал к коньяку лимон, хотя считал этот русский обычай странным, как и странным пристрастие того же Мозгалева именно к этому

обычаю. Ведь лимон вкус совсем не оттеняет, а просто убивает градусы. Сейчас это известно всем, как и то, что Нерон сжег Рим, а Наполеон мосты через Березину. Но сегодня это не важно. И кто кого убил, и что чего оттеняет.

Главное, что лимон, сам коньяк собственно, и тонко порезанная колбаса, которую он услужливо пододвинул ближе к Ленке, скрыли вкус измельченных таблеток, которых он подсыпал в коньячную рюмку своего гостя.

Они едва успели выпить пару таких рюмок, как Горшков стал вести себя по-другому: речь и движения его замедлились. Он мутно посмотрел на Кортонова.

– Леня, – сказал тот, – давай вот, ложись на кровать, тебя что-то «укачало» немного.

Он почти силой приподнял легкое тело подростка и уложил его. Горшков послушно опустил голову на подушку и через секунду захрапел.

Кортонov с непередаваемым чувством смотрел на лежащее перед ним тело. Его почти трясло от сознания того, что он сделает сейчас. Но – во-первых, нужно раздеть Горшкова. Он начал это делать, преодолевая отвращение. Отчего-то он решил, что одежда подростка должна быть грязной и вонючей. К его удивлению, подросток оказался чистым. От него даже хорошо пахло. Полностью раздев Горшкова, Борис удивился – насколько хрупким на вид оказался парень.

– Что ж, – с хрипотцой в голосе, схожей с той, что проявилось у него утром в «маршрутке», произнес он, – приступим,

мальчик. Придется над тобою попотеть.

С этими словами он снял с себя красную клетчатую рубашку и повесил ее на спинку стула....

Телефонный звонок отвлек его минут через двадцать. Звонил Мозгалев. А Борис вспомнил, что забыл подзарядить телефон.

– Да, – сказал Кортон, слыша как разряжается аппарат, – привет, заходи, конечно. Нет, я один. Только давай через два часа. Все, буду ждать, – с этими словами он положил свою «нокию» на стол, опять забыв о подзарядке.

Где-то через час он лежал рядом с немирно спящим подростком и смотрел в потолок. Потом встал и прикрыл тело паренька простыней, пожелтевшей от его нерастраченных чувств последней недели. Мать уже не могла так следить за чистотой, как раньше. Чистота – это было ее болезненной манией. Когда – впрочем, это было редко – к ним приходили гости, она мыла им обувь. Кортон не знал больше никого, кто, проводив гостей в комнату, тут же устремлялся к их туфлям, ботинкам, сапогам, кроссовкам и мыл их. Мыл или в тазике в коридоре, или в ванной. А она делала именно так. Она пылесосила, бывало, по три раза в день. Мыла полы, протирала мебель. Возможно, дай ей полностью волю, она бы и его – Бориса, мыла. У матери была какая-то неестественная тяга ко всему чистому. Вероятно, в знак скрытого протеста именно поэтому, Борис уже давно чувствовал тягу к нечистому.

Сейчас, по белому потолку неистово бегали тени, заблудшие и местные, и каждая что-то значила в эти мгновения.

Через сорок три минуты он стоял в коридоре, ожидая звонка. Когда он раздался, Борис нажал кнопку, открыв дверь Мозгалеву.

– Здорово-корова, – сказал тот, как-то испытывающе глядя на Кортонова, – у тебя домофон не работает. Я уже стал по телефону звонить, – показал он сжатый в руке «самсунг», – но тоже аут. Хорошо, соседка зашла, пустила....

Леонид Горшков проснулся от странного чувства. Во рту будто кошка скончалась. Тело немного зудело. В голове же гудело так, как после «пивася» с «энергетиками». Он не сразу сообразил, что находился в квартире Кортонова. Горшков приподнялся. В комнате был полумрак из-за задернутых штор. Леонид понял, что раздет. Его рука опустилась вниз. Трусы на нем. Вообще, в его затуманенном таблетками мозгу мелькнула было страшная мысль, что Кортонув сделал с ним нечто совсем плохое. Но... нет, вроде бы нет. Он посмотрел на стол. Увидев, стоящую на нем кружку, потянулся за ней. И тут его взгляд упал на руку.

Леонид похолодел. И тут же боковым зрением он увидел что-то висевшее в углу комнаты. Он посмотрел в этот угол, и его бросило в жар. Первое, что он увидел – искаженное лицо повешенного. И искажено оно было настолько сильно, что не было никакой возможности понять – кому из недав-

но живших принадлежит это страшное искажение. Леонид понял, что Кортонovu только по тому, что на теле мертвеца была надета красная рубашка в клетку. И в области рта что-то тоже краснело. Что-то бесформенное как кусок глинистой земли, летящей в могилу. Вдруг мертвец посмотрел на Горшкова.

Леонид Горшков вскрикнул и резко встал с кровати. Его повело в сторону. Он облокотился о стол. И медленно переступая, пошел к двери, не отводя глаз от висевшего....

В этот майский отхожий вечер Анастасия Ивановна Дробышева, учительница младших классов с сорокалетним стажем работы, встретила по дороге домой свою старую знакомую Валентину Петровну, а та, округлив глаза, поделилась с ней тем, что увидела полчаса назад, когда вышла из дома в магазин за подсолнечным маслом.

– ... Настя, я смотрю – Боря Кортонov идет, ты знаешь его – он у тебя ведь учился.

– Знаю, конечно, – кивнула Анастасия Ивановна. – Хороший мальчик, тихий. Немного только медлительный. Все собак и кошек подкармливал у школы. Я его за это даже поругала как-то. Знаешь ведь, собак прикормишь, а они к этому привыкают, начинают думать, что так и надо. И ведь укусить могут, если забудешь в следующий раз.

– Он и сейчас их подкармливает, я видела.

– Стихи всегда у меня читал на мероприятиях. У него хорошо получалось.

– Стихи? – покачала головой Валентина Петровна.

– Да. Никто лучше его не читал вот это: «Мне звезда упала на ладошку, я ее спросил: «Откуда ты?». «Дайте мне передохнуть немножко. Я с такой летела высоты», – начала увлеченно декламировать Анастасия Ивановна. – «А потом добавила, сверкая, словно колокольчик прозвенел: «Не смотрите, что невелика я, я умею делать много дел. Вам необходимо только вспомнить, что для вас важней всего на свете. Я могу желание исполнить, я все время занимаюсь этим».

– Стихи, – покачала головой Валентина Петровна. – Вот и стихи он тоже не прекратил читать. Только совсем другие уже....

Полчаса назад, когда она направилась в магазин за подсолнечным маслом, из крайнего подъезда дома вышел Борис Кортонюк. Увидев Валентину Петровну, он широко улыбнулся. Она озадаченно кивнула ему. Он подошел ближе и громко сказал: «Я до конца презираю истину, совесть и честь, только всего и желаю, бражничать блудно да есть. Только бы льнули девчонки, к черту пославшие стыд, только б водились деньжонки да не слабел аппетит».

Для нее эти слова стали таким потрясением, что она и не сразу поняла, что Борис прочитал стихи.

– Так и сказал мне, Настя, – продолжала Валентина Петровна, – совесть, мол, презираю, хочу баб водить да есть. И чтобы аппетит не слабел. Что это с ним?

Анастасия Ивановна открыла рот, чтобы ответить, да так

и осталась стоять. Из подъезда вышел, дико озираясь по сторонам хорошо ей знакомый подросток – Леня Горшков, известный всему дому малолетний хулиган. В этот майский день 2013 года, он был одет более чем странно. На нем не было ничего, кроме трусов. И – бесчисленного количества свежих татуировок. Одна, зеленая, особенно поразила Анастасию Ивановну. На лбу Горшкова ярко зеленело неприличное слово из пяти букв, наколотых, причем, с двумя ошибками. Анастасия Ивановна автоматически исправила их про себя, поменяв «ес» на «из».

На щеках были наколото «саси», на груди неприличные изображения фаллосов с крыльями, на ногах одна «похабель» сменялась другой, как в хвойном лесу лиственницы сменяются соснами, а в глазах горел ужас.

Анастасии Ивановне стало дурно. К горлу что-то подкаатило, ноги вдруг отказались стоять, а голова неожиданно куда-то полетела. Валентина Петровна хотела подхватить падающую знакомую, но не успела...

Борис Кортоннов шел по кривой дорожке прямо к дому Акулиной. Шедевр будет исполнен. Веревка для Мозгалева и татуаж для Горшкова – только начало. А после он пойдет к Шлакову. Акулина знает, где тот живет – это точно. А он, Борис, знает, где живет Акулина. Он чувствовал в себе столько силы, что даже не подумал о том, чтобы сесть в «маршрутку» или вызвать такси. Он просто шел, под его ногами крутилась поверхность Земли. И крутилась настоль-

ко быстро, что у дома Акулиной он оказался через несколько минут. Это был дом из тех, которых принято называть «элитными». Почему-то он совсем не удивился, что она живет в таком доме. Дверь в подъезд щелкнула, когда он к ней подошел. Вероятно, кто-то увидел из окна или балкона своего знакомого – и открыл. Просто повезло, что он рядом оказался. В подъезде Кортонова стоял другой домофон. Там, чтобы открыть, требовалось вначале по нему позвонить. Борис быстро поднялся на нужный этаж. Номер квартиры вполне предсказуемо ассоциировался у него с номером маршрутки, которая идет от УПИ имени Ельцина до Академгородка. А также – с его жизнью. Во-первых, он никогда не был отличником и никогда бы не сказал, что у него хоть когда-нибудь было все отлично, за исключением того дня в Златоусте и этого дня в Екатеринбурге. Во-вторых, он всегда был полным нулем, за исключением тех же дней.

Борис Кортонov позвонил.

Черная дверь открылась бесшумно. И тут же наступила темнота. Как будто в подъезде выключили свет. Но он и до этого не горел! Был день! Через какое-то время – долгое или нет – Борис стал различать силуэт. И это явно был не силуэт Акулиной. Где-то далеко появился свет. Размеры квартиры не позволяли предположить, что в сотнях метров, но казалось именно так. И вдруг – все вспыхнуло. Кортонova обдало жаром как тогда под Челябинском. И он увидел перед собой совсем не того человека, кого ожидал. Да и вряд ли

это был человек.

Перед Кортонным стоял тот самый парень из «маршрутки» с длинными волосами. Но на этот раз волосы были иссиня-черные, блистающие, как кошелек из кожи масая. Не мигая, он смотрел на Кортоннова. И этот взгляд не испугал Бориса. Неожиданно он понял, кто перед ним.

– Папа? – спросил он. – Ты один приехал?

Этот вопрос, странный не более чем слово «папа», не удивил подростка.

– Один, один, я всегда один, – услышал Борис не грустные и не веселые слова. – Проходи, я сегодня остановился здесь. Вместе с друзьями.

Кортоннов увидел, как из соседней комнаты вышла черная собака. На ней, в седле, сидел черный кот. Он подкручивал лапой усы. На его голове лихо сидела, насвистывая, живая казацкая папаха....

В ночь со вторника на среду лейтенант Иван Понырев прошершеляфамил пять-шесть екатеринбургских ночных клубов, но ничего подходящего не нашел. Ему была нужна женщина лет двадцати восьми-тридцати, рост сто шестьдесят-семьдесят, вес шестьдесят-семьдесят. Ее описывали по – разному, но это было общее. Понырев обратился к нескольким екатеринбургским экстрасенсам. Иван был горячим поклонником программы «Битва экстрасенсов». Но еще более горячим карьеристом. Он хотел доказать, что он лучший.

Для этого было необходимо раскрытое громкое дело. И он нашел. Пока об этом знали немногие, но в Екатеринбурге начал действовать маньяк. Об этом ему сказал его отец – большая партийная «шишка», а также милиционер. В отличие от сына, он уже давно был генералом и понимал, что честность и преданность – залог хорошей старости. Это он и пытался донести до Ивана. Сын понял, но по-своему. Отец, как помнил Иван, постоянно пропадал на работе – ловил «жуликов». Мама не встречала Ивана после занятий фигурным катанием. Этот вид спорта требовал от мальчиков крепкого здоровья – Иван был в паре с темленькой девушкой с челкой, завали ее Лена – и поэтому Иван больше уделял времени телу, чем делу – школьным предметам, как требовала от него мать и отец.

Но он закончил свой факультет – хотя всегда хотелось одного, просто секса и спать после секса – а потом..... Работа в МВД оказалась не такой простой, как он думал. Несмотря на предупреждения отца, он предполагал, что работа окажется... да, не легкой, но вполне привычной.... Типа – вынеси мусор. Вынес – а потом свободен.

Когда мусором оказался он сам, когда он начал понимать, что все в его жизни произойдет из-за того, что ему поможет папа – он почти застонал! Да, он из тех, кому повезло. Из тех, кому уже заранее подстелены все соломки, особенно те, из которых пьют. Пьют и смеются за глаза. За красивые и строгие глаза его отца. А так.... Его не презирают –

не за что. Но – равнодушны.

И тогда Иван пошел к экстрасенсу Ивану Е. Он нашел его объявление в газете, которая легко, как тополиный пух в июне, распространялась в его районе. И попросил, чтобы именно он нашел этого маньяка. Именно он.

Иван Поньрев спал спокойно. Перед пробуждением – как ему показалось – он увидел отца.

– Папа, – спросил он его строго, не удивляясь, – ты зачем тут? Сними эту майку. Она не идет тебе.

Без удивления парень в черной майке снял ее и усмехнулся.

– Не там ищешь, сынок, ищи ее – папа прошептал на ухо несколько слов.....

Иван Поньрев резко проснулся. Он знал куда идти. На Елизавет. Он посмотрел в окно, которое оказалось потолком. Да, вчера он хорошо «наклюкался» в клубах. Наводка была такая – женщина двадцати-тридцати лет увела малолетнюю девчонку, которую неизвестно почему пустили в ночной клуб. А не так давно нашли уже мертвую девочку. Та же история – увели из клуба вначале. На лице Поньрева заиграли желваки. Пусть он и «мажор», как его считают другие, но....

Он почистил зубы, вымыл лицо, посмотрел в зеркало.

Он почистил лицо, вымыл зубы, зеркало посмотрело на него.

И оскалилось.....

И тут же все стало понятно. Не зря он ездил к экстрасенсам. Не зря платил «бабки». К цыганке не ходи. Понырев взял линейку и наложил ее на карту Екатеринбурга. Цыганский поселок.

– Чуть левее, – высунув от старательности язык, проговорил он. – Вот так!

Через два часа, оформив все «бумаги», он, на служебном «газике» подъехал к дому на Вторчермете.

– Что случилось? – спросил он осторожно своего коллегу, сержанта, который стоял у подъезда, и, увидев, что одна «скорая» уезжает, вторая кого-то ждет, а у дома находится полицейская машина.

– Женщине стало плохо, упала, ударилась головой, неизвестно – будет жить или нет. А в квартире на втором этаже, тринадцатой, там вообще весело – вначале, по словам еще одной очевидицы, выбежал подросток в наколках.... – тут сержант замолчал.

– И что? – спросил Понырев, не понимая, почему сержант остановился. Подростков в наколках, как грязи в Пицунде.

– Его кто-то исколол. Насильно, вероятно. Наколки свежие все. Неприличные.».. зда» там и все такое, – сказал сержант.

– А «следаки» здесь почему еще?

– Подростка нашли, он сейчас у врачей – двинулся немного. А тут еще такое дело – обнаружен в квартире еще один. Мужчина. Его подвесили в углу комнаты за трубу. Продели веревку за руки и за шею – не освободиться. Под ноги пуфик поставили – только, чтобы держаться на цыпах...

– Как? – удивился Понырев.

– На цыпочках, – поправился сержант. – А в рот засунули трусы подростка, как предполагается, рот замотали красным скотчем. Но это не все. Ему Кортонov вколол в губы и нос вазелин, к тому же красной краской тоже нанес наколки. На нос и вокруг губ. В общем, клоуна из него сделал.

– А где Кортонov-то? – устало спросил Иван Понырев, уже предполагая худшее для себя.

– Это неизвестно. Очевидица сказала, что он вышел, прочитал какие-то стихи похабные... – сказал сержант. – А потом ушел.

– То есть, он жив? – встрепенулся радостно Понырев и с силой сдержал себя от хищной улыбки. «Потомственный колдун» Иван Е. направил его правильно. Этот адрес, этот. Дома он внимательно просмотрел биографию Кортонova. Типичный маньяк. Типичный. – И куда он пошел?

– Очевидица сказала, что в ту сторону.

– По Мартовской, что ли? – удивился Понырев, вспоминая весь этот год. Март был снежным и холодным.

– Ну да... – осторожно сказал сержант.

– А того, кого подвесили, его уже тоже увезли?

– Он вот он – в «скорой».

Понырев направился к машине скорой помощи.

– Здравствуйте, – сказал он врачу, сестре и пациенту, посмотревшему на него с испугом и трепетом.

– Все хорошо, – сказал он, обращаясь к Мозгалеву.

Это существо было испуганным, но молчаливым.

– Куда мог пойти Кортон? – спросил Понырев Мозгалева.

– К Акулиной, – сказал тот. – Скасал, сто к Акулиной, – с трудом произнес потерпевший, и Понырев с трудом удержался от смеха, уж больно прикольным показался ему этот «чел» с вкатанным вазелином, наколотым татуажем и изношением

– Это кто такая?

– Эфсо баба адна, рабосаес с ним, – произнес Мозгалев и рассказал все, что знал.

Узнать адрес Акулиной Поныреву не составило большого труда. И уже через пять минут бело-синий «уазик-патриот» мчался по указанному адресу....

– Смотри, Иван, – сказал водитель по дороге. – Во, прикол-то.

– Что? – откликнулся Понырев.

– У «девяносто девятой», она же еще «спутник-лада» называется, отвалились две буквы, по одной спереди у каждого слова. Ты смотри, смотри.... – водитель рассмеялся.

Понырев пригляделся. Действительно – на заднем бампе-

ре автомобиля красовалось «...путник ...ада».

– Ты давай за дорогой смотри, – сказал Понырев с улыбкой.

– Что там? – спросил с заднего сиденья сержант Листовой.

– Да вон, – показал рукой Понырев....

Навстречу им, но по тротуару, шел мужчина. Среднего роста, без каких-либо особых примет, в его руках был пакет с изображением девушки, в котором лежали разные детали: шурупы, смеситель, краны, трубки.... Он был пока еще очень далеко от автомобиля полиции, но близко к прохожему, чем-то похожему на скрежет тормозов: неприятному и, возможно, смертельно опасному. И, скорее, опасному больше для себя. Это было понятно по его блуждающему взгляду «обесширенного» наркомана. На голову прохожего был накинут капюшон. Уже давно в подъезде, где проживало это создание, не было устойчивого запаха ацетона и уксуса, но сегодня у «нарика» была надежда на это. И мужчина с пакетом не играл никакой роли для достижения искомого. Мужчина просто попался на пути. И сам был виноват, что, заглядевшись, наткнулся на наркомана.

– Черт! – воскликнул он. В пакете оказалась дыра. Из него посыпались детали.

– Дьявол, – сказал наркоман и пошел дальше.

Мужчина сразу понял, с кем имеет дело, махнул на прохожего рукой, и стал собирать детали, сев на корточки.

– Вот еще, – услышал он и, с удивлением, повернулся. Пе-

ред ним стоял тот же наркоман. И протягивал два шурупа, – возьмите.

– Спасибо, – растерянно произнес мужчина.

– Не за что, – сказал наркоман, – вон еще провод какой-то лежит, – показал он рукой, после чего действительно повернулся и ушел.

Мужчина сложил все обратно в пакет, свернул его так, чтобы больше ничего не выпало. И продолжил путь.

Наркоман быстро прошел во дворы. И шмыгнул в открытый подъезд обшарпанной пятиэтажки. Там он достал маленький кошелек, который, видимо, тоже выпал из пакета. С нетерпением открыл его. Вздох разочарования вырвался из его грудной клетки, в которую он с большим бы удовольствием загнал бы немного дыма анаши для начала.

– Дьявол, – повторил он. – Дьявол – детали.

В кошельке лежали мелкие детали, предназначение которых было ему непонятно. Понятно было одно – продать их даже не стоит пытаться. Он с досадой бросил кошелек на ступеньки подъезда. Детальки рассыпались. Но это его не волновало. «Вмазаться» бы....

Наверху открылась дверь. Он прислушался. По каким-то неуловимым для других признакам он понял, что в подъезд из квартиры вышла немолодая женщина. Так кот не смог бы объяснить студентке, у которой он живет в съемном доме в частном секторе, почему он чувствует мышь под полом, и то, что, на самом деле, это она, студентка, живет у него,

кота.

Мысль, нереально – быстрая, как сапог-сороход, будто ударила ему в голову – ограбить!

Он нагнулся, делая вид, будто собирает детали. Женщина спускалась довольно быстро. Он уже засомневался в том, что она немолодая. Когда до нее осталось совсем немного, он поднял голову в черном капюшоне. И встретился со злым взглядом. Взгляд этот, несомненно, принадлежал немолодому лицу женского пола. В руке лица находилась сумка. В первую голову ему бросилась в глаза именно рука лица. Потом – уже все остальное. Он толкнул женщину, схватив ее сумку свободной рукой. Женщина намертво держала сумку. Он посмотрел в ее лицо и понял, что сейчас та начнет кричать. Когда-то он совсем немного занимался боксом. Он ударил резко, в подбородок. Женщина некрасиво повалилась на стену, сползла на ступени. Он уже этого не видел – бежал вниз, прижимая к груди сумку....

– Чуть-чуть опоздали, – сказал Понырев, разглядывая без любопытства остывающий труп Акулиной. «Скорая» уже была на месте. В отличие от «я» Понырева, которое себе места не находило. Внешне это выражалось в нервном постукивании пальцами по стене подъезда и сумрачном выражении лица.

Борис Кортонов вошел внутрь коридора квартиры, который вдруг оказался непостижимо длинным. Свет, до этого яркий, стал ослепительно-белым, жар усилился, но Кортонов только понимал это, но не чувствовал, настолько все было необыкновенным и чертовски обесжизненным. Он сделал еще несколько шагов, которые неожиданно оказались огромными и увидел то, что он загадал, когда падала «звезда». Но никому не сказал свое желание – потому, что оно бы не сбылось. И никогда уже никому не скажет потому, что....

Он повернулся в сторону двери этой квартиры и, улыбаясь, прочитал вслух, так как мог и умел в это мгновение, вспоминая то: «Не помню, как звали ту, первую девчонку, что я поцеловал, то было в мае. Ветер облепил ее промокшим платьем. Дождь шел над рекой».

Кот перешел дорогу, сидя на собаке.

Кортонов увидел это и засмеялся.

Он уже забыл об отце. Вдруг по детской игрушечной дороге, идущей откуда-то издалека, поехал поезд. Борис сел в него и поехал. Он, разумеется, ничему не удивлялся, ибо князь мира сего так захотел. Князь этого мира. Этого.

У матери лежала библия, которую ей давно подарили баптисты. Она ее вряд ли читала, а он заглядывал. И теперь отчего-то особенно отчетливо всплыла одна фраза из нее. Та,

о которой он и не помнил. «Взял его Дьявол на необычайно высокую гору и показал ему все царства мира и их славу и сказал ему: «Все это дам тебе, если падешь и поклонишься мне». Тогда Иисус сказал ему: «Отойди, Сатана»!

Только хотя бы это показывает кто царь этого мира.

В его купе никто больше не ехал. А он никогда не ездил в купе. Так получилось, что те два раза, которые он проводил в стучащем так тихо-тихо поезде, он был всегда в плацкарте. Вокруг были люди. Ему было хорошо. Он знал, куда он едет. Это город Златоуст. Там его девушка. Он улыбнулся.

Перрон был вроде пуст, а вроде – нет. Он смотрел в окно и видел какие-то тени, плотные – бесплотные, быстрые – медленные.... Среди них иногда мелькал какой-то молодой человек. Он пристально вглядывался в окна поезда. Кортюнов не сомневался, что это полицейский и зовут его Иван Поньрев.

Дверь купе открылась. Он посмотрел на того, кто вошел. Это была женщина с лицом неразличимым, но почему-то он понимал, что незнакомым.

– Отдай телефон, – сказала она.

Он пощупал карман, в который положил сотовый Мозгалева. Уходя из квартиры, он взял его, так как собственный не подзарядил.

Борис узнал женщину. Он теперь будто всех узнавал.

– Зачем? – спросил он. – Сейчас-то зачем?

– Я выкину его на мусор, – сказала женщина.

Кортонов расхохотался. Одной рукой, без особого усилия, открыл окно и бросил мобильник Поныреву, все так же стоявшему на перроне и высматривающему что-то безумными глазами.

– Лови! – крикнул он.

Понырев дернулся и поймал на лету телефон.

За спиной Кортонова раздался визг. Он повернулся и увидел, что женщина бежит к нему по длинному коридору, вытянув вперед руки с пальцами, сведенными в судороге ненависти. Ее лицо, искажаясь злостью и злобой, изрыгало из себя проклятия, которые он видел: черные, они летели как брызги крови. Она бежала и бежала, но никак не могла приблизиться к нему. Он не удивлялся появлению в поезде такого длинного коридора. С каждой секундой женщина становилась все дальше и дальше от него. Кортонов закрыл дверь купе. И тут же увидел, что эта женщина лежит на нижней полке – прямо напротив его. Полка была застелена красным покрывалом. Женщина лежала с закрытыми глазами и будто бы спала беспокойническим сном. Ее зрачки под веками бегали быстрее, чем доли секунд назад она сама бежала по коридору. Кортонов, не отрываясь, смотрел на нее. Он понимал, кто это женщина. Пусть раньше никогда и не видел. Женщина резко открыла глаза, выдохнув. И тут же он увидел ее дома. Это был одноэтажный дом, за окном виднелись ветви яблонь. Женщина лежала, решив отдохнуть, на кровати, покрытой красным одеялом. Видимо, заснула – и вот, просну-

лась. Резко, с колотящимся сердцем. Проснулась – и пропала, как девчонка с дискотеки. Кортонув вновь видел только голую полку. Ни женщины, ни одеяла, ни яблонь за окном. Он подумал, что эти яблони совсем не напоминают те деревья, которые были над рекой Ай тогда. Тогда, когда она поцеловал ту девушку. И еще он подумал, что так и не дорисовал картину «Прекрасное мгновение». А ведь он так хотел подарить ее!

Поезд тронулся. Ему показалось, что не только в купе, но и во всем поезде никого нет. Перрон остался позади. Он смотрел в окно. Город закончился быстро как жизнь. Появились деревья, напоминающие о желании и о том, что он его загадал. К некоторым из них были прибиты огромные плакаты с надписью «Златоуст». Правда, постепенно они стали сменяться плакатами «Устозлат», но Кортонув только усмехался. Он знает, что едет правильно. Или – левельно, так как это уже другой уровень сознания.

Он захотел чай с бергамотом, и кто-то принес ему его. Он не заметил кто. Мелькающая монотонность за окном, перетекающая в стереотонность, будто не давала ему отвести глаз. Стало темнеть. За окном показалось кладбище. Оно располагалось так близко, что, казалось, поезд идет среди могил.

– Иду среди могил, – сказал Иван Поньрев по телефону. Ему позвонила девушка. Он был ее бой-френдом, как сказали бы на MTV. Девушка поинтересовалась, где Иван и что он

делает. Понырев исчерпывающе ответил. Он действительно шел среди могил. Это было Уктусское кладбище. Год назад здесь поймали трех сатанистов – прыщавых ублюдков. Понырев не думал, что придется вновь здесь оказаться по какому-то серьезному делу. Но пришлось.

После того, как в подъезде собственного дома было обнаружено тело Акулиной, прошло три дня. Сегодня, третьего мая, поступило сообщение от «барабана», что на Уктусском кладбище в одном заброшенном его месте, недалеко от строящегося торгового центра, бомжи обнаружили чей-то труп. И по всем приметам – это должен был быть труп Бориса Кортонова.

– Вот, – сказал сержант Листовой. – Похоже, наш....

И в этот момент в кармане штанов мертвого прозвела телефонная трель. Она не была похожа на соловьиную, но сердце Понырева забилося сильнее, чем у влюбленного при звуках любимого голоса. Он осторожно достал «самсунг».

– Да, – сказал он.

В телефоне раздался плач. Это был плач девушки. Понырев прислушался, затаив дыхание.

– Алло, – сказал он.

Плач не прекращался. Это были сдавленные рыдания.

– Говорите, – сказал Понырев. – Говори, милая, где ты?

Связь прервалась. Понырев посмотрел на телефон. Это был старый аппарат. Такие сейчас рублей пятьдесят стоят.

Он посмотрел на труп. Раздался звук смс-ки.

Он прочитал:

«Я жду тебя в саду».

Они были на месте через час. Приехали бы раньше, если бы не эти «пробки», похожие на шампанское – как оно неперемный атрибут нового года – так и «пробки» неперемный атрибут екатеринбургских дорог года всего. Неперемным атрибутом разных регионов являются характерные слова. Там, где житель Москвы скажет «дача», житель Екатеринбурга «сад». Садовый участок Мозгалевых занимал свои восемь соток так же уверенно, как уверенно занимают у своих до полочки. На участке располагался дом. Одноэтажный, с чердаком, с баней и подполом. В этот подпол слазили в самом начале. Кроме банок с вареньем, соком и соленьями ничего в нем не обнаружили. Понырев пошел в баню, в которой уже находился сержант Листовой.

– Нет, товарищ лейтенант, – сказал тот. – Никого нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.